

УДК 811.511.1'37

doi 10.17072/2073-6681-2021-2-70-80

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ НАЗВАНИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

Юлия Анатольевна Шкураток**к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. shkuratok@mail.ru

SPIN-код: 4745-5799

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2786-8734>

ResearcherID: T-6270-2018

Анастасия Владимировна Кротова-Гарина**инженер кафедры теоретического и прикладного языкознания****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. anastasia.garina@ya.ru

SPIN-код: 2722-0553

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4538-5402>*Статья поступила в редакцию 29.12.2020***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Шкураток Ю. А., Кротова-Гарина А. В. К проблеме классификации названий мифологических персонажей в коми-пермяцком языке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 70–80. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-70-80***Please cite this article in English as:***Shkuratok Ju. A., Krotova-Garina A. V. K probleme klassifikatsii nazvaniy mifologicheskikh personazhey v komi-permyatskom yazyke [On the Classification of Names of Mythological Characters in the Komi-Permyak Language]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 70–80. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-70-80 (In Russ.)*

В статье анализируются названия мифологических персонажей в коми-пермяцком языке. Из различных источников – полевых материалов, архивных записей, статей и монографий – было привлечено почти 300 наименований мифологических персонажей. Анализируемая лексика неоднородна по своему происхождению. Была произведена классификация по языку-источнику, у образованных в коми-пермяцком языке единиц были выделены подгруппы по мотивировочным признакам. Первая группа, составляющая значительную часть, – это заимствования из русского языка, которые употребляются для обозначения тех же мифологических персонажей, что и в языке-источнике (*домовйй*, *баннйй бес*, *водянойй*, *дошлйй*, *лешйй*, *нечистйй*, *колдун/ковдун*, *колдуння/ковдуння*, *суседко/суседку*). В некоторых случаях происходит изменение семантики единиц, приобретение ими новых значений (*чуд* ‘чужой, странный древний народ’ > ‘нечистая сила, черт’). Вторая группа – названия, образованные в коми-пермяцком языке, где в основу номинации положены признаки «место обитания» (*ва олись* ‘житель воды’, *джоджулись* ‘житель подполья’, *бана чуд* ‘дух бани’, *кузнеча чуд* ‘дух кузницы’, *ошымос чуд* ‘дух колодца’, *ворись* ‘лесной’, *ворись дядь / вёрдядь* ‘лесной дядя’ и др.); «внешний вид» (*кузь дядя* ‘высокий дядя’, *ыджыт дядя* ‘большой, высокий дядя’, *ыджыт морт* ‘большой, высокий человек’, *чочком морт* ‘белый человек’, *көспель* ‘сухоухий’); «время проявления» (*лунишорика/вуншорика* – ‘дух полей и лугов, полудница’, *лун/вун* ‘день’, *шёр* ‘середина’); «действия» (*ворожитчись* ‘ворожея’, *лечитчись* ‘лекарь’, *шопкись* ‘шепчущий’, *төдись* ‘знающий’, *тишыкөтчись/тишыкөтись* ‘портящий’). Третья группа – производные и/или имеющие «темную» этимоло-

гию названия (*абач* ‘домовой’, *боболь* ‘дух, которым пугают детей’, *калян* ‘бес’, *куль* ‘черт, сатана, дьявол’). Таким образом, коми-пермяцкая лексика, называющая мифологических персонажей, представляет собой пласт лексики, отражающий многовековую историю взаимодействия русских и коми-пермяков на данной территории.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; Пермский край; мифологическая лексика; мифологический персонаж; демонология.

Введение

Историю описания мифологических воззрений коми-пермяков принято отсчитывать от кратких записей путешественника И. И. Лепехина (1780). В XIX в. появляются работы В. Хлопина (1847, 1849), В. Хлопова (1852), О. Н. Попова (1852), Н. А. Рогова (1858, 1860), И. Н. Смирнова (1891), В. М. Яновича (1903) и др.

Во второй половине XX в. после долгого перерыва целенаправленная работа по изучению духовной и материальной культуры коми-пермяков возобновляется. Защищает докторскую диссертацию и публикует монографию «Очерки по этнографии народов коми» (1958) В. Н. Белицер, проводит многочисленные экспедиции в Коми-Пермяцкий округ Л. С. Грибова и другие ученые. Известным исследователем и популяризатором коми-пермяцкого фольклора данного периода является также В. В. Климов.

В дальнейшем значительный вклад в разработку этой темы внесла диссертация и монография Т. Г. Голевой «Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков». Целью работы автор называет «системный анализ представлений о мифологических персонажах, их прагматическое значение в народной культуре» [Голева 2011: 7]. В начале каждой новой главы Т. Г. Голева перечисляет зафиксированные в полевых записях и извлеченные из источников названия мифологических персонажей (далее – МП).

В 2020 г. появилась книга «Материалы по коми-пермяцкой демонологии» (авторский коллектив: А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкуратов, С. Ю. Королёва, А. С. Лобанова, И. И. Русинова). Она представляет собой публикацию текстов сказочной прозы на коми-пермяцком языке с сохранением диалектных особенностей речи рассказчиков. Словарь коми-пермяцких мифологических персонажей, опубликованный в данной книге, включает 52 словарных статьи [Материалы...: 146–154].

Отбор лексических единиц для анализа

Несмотря на наличие многочисленных работ этнографов и фольклористов, лингвистических работ, анализирующих лексико-тематическую группу «Мифологические персонажи» в коми-

пермяцком языке как особую систему, в настоящее время практически нет.

При отборе материала большая часть названий была взята нами из диалектных текстов, записанных авторами в 2016–2020 гг. в сельских районах Коми-Пермяцкого округа. Всего из различных источников – полевых и архивных записей, статей и монографий – было отобрано почти 300 наименований МП, включая фонетические варианты.

Языковой материал, извлеченный из публикаций этнографов и фольклористов, вызывает значительную трудность при лингвистическом анализе, так как большинство номинаций МП подается в этих работах без иллюстративных контекстов. Некоторые названия МП, содержащиеся в работах исследователей, вызывают сомнения в достоверности фиксации. Например, в источниках упоминается название *моха* со ссылкой на архив В. П. Налимова: «моха живет в подполье, жует хлеб (с. Верх-Иньва)» [Чагин 2010: 153; Голева 2011: 188, 200]. Скорее всего, при сборе материала или его интерпретации была допущена ошибка, так как в коми-пермяцком языке нет [x], за исключением поздних заимствований из русского языка.

Некоторые названия МП, на наш взгляд, не могут быть названы собственно номинациями. Например, авторы этнолингвистического сборника «Лупыинцы: история, культура, язык» в качестве названия духа воды приводят словосочетание «куим чуня тётка ‘тётка с тремя пальцами’» и название духа леса «вёрас кодъя оло ‘в лесу который живет’» [ЛИКЯ: 118]. Анализ опубликованного в другой работе контекста дает право говорить о том, что это «идентифицирующее клише», а не номинация: «*Ыджыт йирын эм куйим чуня тётка. Йирыс – өддён пыдын места речка вылас. Омут сэтён. Водяной нылка оло сэтён. Этадз тай шуёны. Эз меным явитчылы. Рыбаккелё вёли явитчалём. Петём да эти кузя юрсиа пё котрасьны пондём. Дерт, пёди, абу бур одзын, умоль одзын сия*» – «В большом омуте есть тетка с тремя пальцами. Йир – очень глубокое место на речке. Омут там. Водяная девушка живет там. Так говорят. Не показывалась [она] мне. Рыбакам показывалась она. Вышла [она], и с такими длинными волосами, мол, бегать стала. Конечно, наверное, не пе-

ред добром, перед плохим она [показывается]» (Мысы Гайн.) [Подюков 2018: 110–111].

Проблема, связанная с тем, что считать номинацией МП, на сегодняшний день не имеет единого решения даже для хорошо проработанной славянской традиции. В текстах мифологических рассказов, помимо собственно имен нарицательных, имеющих закрепленное в системе языка значение (как, например, *русалка, домовой* и пр.), существует достаточно широкий ряд однословных и неоднословных наименований, «идентифицирующих клише», эвфемистических названий, указывающих на определенного МП, но не являющихся собственно языковыми единицами. Для неоднословных сочетаний трудно иногда решить, насколько они являются устойчивыми и какой степенью спаянности характеризуются его компоненты. Кроме того, в исследованиях по коми-пермяцкому языку в силу типологических особенностей существует проблема разграничения сложного слова и словосочетания.

В данной работе в качестве материала для анализа были взяты только те номинации, которые обладают относительной семантической и синтаксической слитностью и повторяются в ряде текстов. Лексемы, упоминаемые в работах фольклористов и этнографов без иллюстративных контекстов и вызывающие у нас сомнения, которые невозможно разрешить без опоры на текст, не рассматривались.

Классификация названий мифологических персонажей

Период многовекового взаимодействия с пришлым русским населением отразился на многих аспектах жизни коми-пермяков. Среди собранного языкового материала самую большую группу составляют заимствования из русского языка. Эти лексемы подвергаются в коми-пермяцком языке фонетической адаптации (*леший – лешй, домовый – домовй, банный бес – баннй бес, водяной – водянй, дошлый – дошлй, нечистый – нечистй, вежливец – вежливеч, колдун – ковдун, колдунья – ковдунья, дьявол – дяв* и т. п.), грамматической и, очевидно, постепенно вытесняют исконные наименования.

Рассматриваемые названия, как правило, обозначают тех же МП, что и в русском языке, например: *Менӧ ачымӧс уморочитӧс суседкуыс, да нем тай эз вӧл. Вылам водліс поперӛг. <...> Сіа пӧ кажнӧй керкуын олӧ.* Меня саму суседку давил, и ничего ведь не случилось. На меня ложился поперек. <...> Он, говорят, в каждом доме живет (Кочево) [ПМ]. Лексема *суседко* в качестве обозначения домового широко распространена в русских говорах, в том числе и пермских:

У нас под печкой суседко сидит и на всех смотрит, а по ночам гуляет (Неволино Киш.); *Я-от домового сама видела, у нас-то его суседкой зовут. Больно уж он страшный* (Гарева Чайк.) [СПГ 2: 421–422].

Русские по происхождению наименования не всегда осознаются носителями языка как заимствованные, ср.: *Суседку – сіа стариннӧй словоыс, суседку.* Суседку – это старинное слово, суседку (Коса) [ПМ]; *Ой, кыдз жӧ сӧ шудӧны? Домовик! Вот, и сіа домовикыс – рочӧн, а суседку – сӧ комиӧн.* Ой, как же его называют? Домовик! Вот, и это «домовик» – по-русски, а «суседку» – это по-коми (Белоево Куд.) [ПМ].

Кроме того, заимствованные из русского языка названия могут менять семантику. В качестве примера можно привести лексему *чуд*, связанную с русским заимствованием *чудь* ‘чужой, странный древний народ’, которое становится наименованием нечистой силы [Кривошекова-Гантман 1974: 137; Голева 2011: 49, 51, 141–142, 182–183; Королева, Шкураток 2018 и др.], а также образует наименования *баня чуд, кузнеча чуд, ыб чуд* [Климов 1990: 297–305, 310; Гусев 1952: 47]. Кроме того, в современном коми-пермяцком языке можно выделить следующие значения лексемы *чуд*: 1) общее наименование нечистой силы; 2) персонаж, появляющийся в Святки; 3) дух бани; 4) дух леса; 5) персонаж, которым пугают детей [Материалы...: 154].

Достаточно большую группу составляют демоники, образованные в коми-пермяцком языке и сохраняющие прозрачную внутреннюю форму. По тому признаку, который был актуален для носителя языка и был положен в основу названия, можно определить несколько наиболее продуктивных групп, таковыми являются «место обитания», «внешний вид», «время проявления» и «действия». Выделенные для коми-пермяцкого языка принципы номинации мифологических персонажей в целом совпадают с принципами, обозначенными Л. Н. Виноградовой для славянских языков [Виноградова 2016: 90].

Признак «место обитания» лежит в основе большой продуктивной группы, которая может потенциально пополняться. Существуют названия для духов различных локусов как освоенного человеком пространства, так и не освоенного им.

Большинство названий, образованных по признаку «место обитания», содержат следующие корни: *ва* ‘1. 1) вода || водный, водяной 3) река || речной’; *вӧр* ‘1) лес || лесной’; *горт* ‘дом || домашний’; *карта* ‘хлев, двор’; *ӧшымӧс* (лит. *ӧшмӧс*) ‘1) колодец 2) редко прорубь 3) уст. ключ, источник’; *ыб* ‘поле || полевой’; *яг* ‘1. молодой сосняк; пихтовый лес; бор || боровой’; *ба-*

ня; овин/öвин; кузнеча [КПРС: 52, 83, 103, 166, 309, 577, 592].

Лексема *горт овись* (лит. *олись*) букв. ‘житель дома’ обозначает духа дома и двора: *Вот көр пода босьтасё, вот сја, [мамё], тожсо пыр шуис: «Но, кытён мяян горт овисьным, ась берегитё мёссё»*. Когда вот скот купят, вот она, [мать], тоже всегда говорила: «Ну, где наш «житель дома», пусть бережет корову» (Ваганова / род. Новоселова Куд.) [ПМ]. Согласно данным энциклопедии «Мифология коми» домового повсеместно коми называли *олыся*; *олись* (букв. ‘обитатель, жилец’) [МК: 264].

В нашем материале всего три примера названий МП, образованных с применением вышеуказанной модели (место + *олись/овись*). Второе из них – наименование духа воды: *ва олись* (букв. ‘житель воды’): *Пыр, көр муна рыбацитны, босьта мыйкё съорам, козин кытиёмкё ва олисьлө... <...>* Всегда, когда иду рыбачить, то беру что-то с собой, подарок какой-то водяному... (Несоли Кос.) [Лобанова 2013: 68].

Название: *вёрын олись* зафиксировано в д. Поносова Кудымкарского района [Гусев 1952: 47]. Автор приводит его в качестве названия лешего, но без иллюстративного материала и на литературной норме (территориально д. Поносова относится к кудымкарско-иньвенскому диалекту южного наречия, которое отличается «отсутствием фонемы *д* во всех позициях») [Баталова 1975: 223–224].

Подобные наименования сохраняются в коми-зырянских говорах, ср.: *ва олыся, ва олысь* ‘водяной’; *вөр олысь* ‘леший’ [СДКЯ 1: 155, 270]. Коми-пермяцко-русский словарь подобные названия с компонентом *олись* не фиксирует, там же лексема *горт олись* подана в значении ‘домоводница; тот, кто остается дома в отсутствии хозяев’ [КПРС: 103].

Как правило, коми-пермяки отождествляют духа дома и двора, но иногда выделяют отдельного персонажа хлева: *картаусь, карта чуд, картавыл чуд*, ср.: *Картаусь. Мукёдпыр вёллэз да мый да, видимо, гожумнас жё мошкаыс да мый да сёйё, ня өддьён беспокойнёйсь. И вот висьталисё, что конюховкасис пё бёра дедыс обижайтё вёллэнымёс*. «Картаусь». Иногда кони да что (да), видимо, летом мошка да что (да) ведь {их} ест, они очень беспокойные. И вот говорили, что в конюшне опять дед обижает наших коней (Кочево) [Материалы...: 150].

В статье И. А. Подюкова упоминается название «хозяина» подполья *джоджулись*, но без иллюстративного материала [Подюков 2018: 110]. Лексема образована по тому же принципу, что и названия других МП (место обитания + суффикс

-ись со значением ‘относящийся к такому-то месту’ [КПРС: 599, 604]), ср.: *баняись* (букв. ‘банный’), *вёрьись* (букв. ‘лесной’), *ваись* (букв. ‘водяной’).

Кроме лексемы *баняись*, существуют и другие синонимичные названия духа бани: *баня чуд, банной бес, баня бес, баня-бабушка, банягёг* и др. Последняя лексема, *банягёг* (букв. ‘банная пуповина’), вызывает особый интерес. По сведениям А. С. Лобановой, данное наименование фиксируется только в деревнях близ с. Ленинск Кудымкарского района [Лобанова 2008: 57]. По мнению исследователя, данное слово изначально заменяло какое-то другое, «нежелательное» слово, а затем перешло в разряд названий МП [там же]. Т. Г. Голева пишет, что пуповиной обозначают и растущую в бане траву: «В бане росла какая-то трава, а это пуповина растёт. Раньше же в бане рожали ребят-то» (Симянково Юсьв.) [Голева 2011: 115].

Своих покровителей имели и другие хозяйственные постройки: овин – *өвин чуд, өвин көзьяка* [Климов 1991: 345; Голева 2011: 179], гумно – *гуменник* [Материалы...: 148], кузница – *кузнеча чуд* [Гусев 1952: 47], но сюжеты о них немногочисленны, а в современном коми-пермяцком языке в связи с изменениями жизненного уклада они не используются.

Кроме того, из языка уходят названия духа поля: *ыб чуд, ыб дядь* [Голева 2011: 147] и колдца/проруби *ёшымёс чуд* [Климов 1990: 310].

В большей степени в коми-пермяцком языке сохраняются названия духа леса, они составляют обширную группу. В работах этнографов конца XIX – середины XX в. фиксировались названия типа: *вера-мортъ* ‘лесной человек’ [Рогов 2008: 44], *вэрьсь-мортъ* [Смирнов 1891: 268], *вөр морт, вёрьсь мужик, вёрын олись* [Гусев 1952: 47]. По мнению Н. И. Смирнова, подобные названия следует считать более древними, позднее компонент *морт* ‘человек’ стал замещаться лексемой *куль* ‘черт’ или почтительным *дядя* [Смирнов 1891: 268].

В современных записях лишь в единичном примере зафиксировано название духа леса *вөр-морт: Вёрас тай кодья олё вёрмортыс, вёр-дядьыс*. В лесу-то который живет леший (Мысы Гайн) [ЛИКЯ: 148].

Наиболее широко представлены в современных записях такие названия духа леса, как *вёрьсь* ‘лесной’, *вёрьсь дядь / вёрдядь* ‘лесной дядя’: *Миан сэтён видз вылас менчим кык часы гусялис вёрьсьыс, прямо кисим снял. О-о-о, кытиём басёкось часыэс вёлисё... Кёзьяныс*. У нас там на покосе у меня две пары часов украд лесной, прям с руки снял. О-о-о, какие красивые часы были...

Хозяин-то (т. е. леший) (Коса) [ПМ]; *Лешакыс пö вöрас, вöрдядь*. Лешак, говорят, в лесу, лесной дядя (Трошева Куд.) [Материалы...: 70–71].

Одно из названий духа леса образовано из двух корней, указывающих на место обитания, второй из которых заимствованный: *вöрлешак* (букв. ‘лесной леший’): *Ся шуö: «Миянöс, – шуö, – чуддэс, нет, вöрлешакыс, – шуö, – мианöс новйöтö»*. Она говорит: «Нас, – говорит, – чуды, нет, лесной леший, – говорит, – нас водит» (Зар. Пешнигорт Куд.) [ПМ].

В Коми-пермяцко-русском словаре фиксируется номинация *яг морт* в значении ‘леший, лешак; лесовик, лесной дух’ [КПРС: 592]. В «Мифологии коми» номинация подана в значении ‘лесное чудовище из легенды северных коми-зырян’ [МК: 410], «Словарь диалектов коми-языка» фиксирует лексему *ягса* ‘леший’ в ижемском диалекте коми-зырянского языка [СДКЯ 2: 875].

Помимо рассказов о лешем, в коми-пермяцком фольклоре фиксируются тексты о лесной женщине, именуемой *вöрись инька / вöр инь / лешачика* (мотив появления часто связан с охотничьей средой): *Öрина – вöрись инька*. Ирина – лесная женщина (Панино Кос.) [Голева 2011: 85].

Наряду с названиями духа леса, значительную группу названий составляют номинации водяного, эти названия образованы по сходным принципам. Наиболее употребительными можно назвать лексемы *ваись* ‘водяной’ и *вакуль* ‘водяной черт’: *Вежатыас пö тай ваисьыс олö, баитисö. Ся пö бездонной, сэтчин пö ваиссес олöны, Вежатыас*. В (озере) Вежаты ведь, говорят, водяной живет, рассказывали. Оно, говорят, бездонное, там, мол, водяные живут, в Вежаты (Пуксиб Кос.) [ПМ]; *Вадöрас эдö вакуллез. Кульпияннэз. <...> Шуасö маммезным: «Эд ни рытнас ведзчö, вакуллес эд кыскасö»*. В реке ведь водяные черти. «Кульпияннэз» (букв. «детеныши черта»). <...> Скажут наши мамы: «Не ходите уже вечером, водяные черти ведь затащат» (Верх-Иньва Куд.) [ПМ]. Корень *куль* ‘черт’ активно используется для образования и других наименований водяного духа: *вакулюк, вакулись, вакулёк, вакулёнок, ваись кулюк*.

Параллельно с названием духа бани *баныгöг* на той же территории Ленинского сельсовета Кудымкарского района существует и название для духа воды – *вагöг* ‘водяная пуповина’: *Ваын олö вагöг*. В воде живет водяной (Пятино Куд.) [Лобанова 2008: 64]. По мнению исследователя, названия МП с компонентом *гöг* на данной территории указывают на определенную закономерность [там же].

В Косинском районе зафиксирована номинация духа водного пространства *вабаран*: *Вакул-*

лез миан – вабараннэз. Вакуль и вабаран. Миан бабушка, дак сё, внучаткаыс шор дорас лэдзчас, шор миан учöтик, сэтöн не вöйны не мый, ключевина котöртö да, а сэтчин яма гарйышитö-мась, чтöб васö ведрöн хотя бы гумышитны можно вöли. Дак ся лэдзчас, дак внучаткасö бöра: «Ой! Эн сэтчин мун! Эн! Вабараныс кыскас!» Водяные (букв. «водяные черти») у нас – «вабаран». «Вакуль» и «вабаран». Наша бабушка, так все, внучка к ручью спустится, ручей у нас маленький [был], там не утонуть и ничего [нельзя], ключ бежит ведь, а там яму вскопали, чтоб воду хотя бы зачерпнуть можно было. Так она спустится, так внучке опять: «Ой! Не ходи туда! Нет! *Вабаран* затащит!» (Коса) [ПМ]. В других источниках лексема в данном значении не встречалась, примечательно, что в Коми-пермяцко-русском словаре зафиксированы названия *бекаса вöрбаран* и *нюрбаран* (букв. ‘лесной баран’ и ‘болотный баран’) [КПРС: 83, 283].

Номинации, объединенные по признаку, положенному в основу наименования, в группу «внешний вид», достаточно разнородны и в меньшей степени удовлетворяют заявленным выше критериям «устойчивости» и «семантической и синтаксической слитности».

В текстах мифологических рассказов встречаются следующие обозначения лешего, актуализирующие признак аномального роста, характерного для МП: *кузь* ‘длинный, высокий’, *кузь дядя* ‘длинный дядя’: *Вöрас кузьыс ветлötö. Лешакöн тай шуöны. Кузь дядь. Юрыс ыджыт, пиннес кузьöсь*. В лесу длинный ходит. Лешаком называют [его]. Длинный дядя. Голова [у него] большая, зубы длинные (Сойга Гайн.) [Пономарева 2016: 304].

Номинации *ыджыт, ыджыт дядя, ыдыт морт, ыджыт лес* объединены общей семантикой размера персонажа, *ыджыт* – ‘большой’, букв. ‘большой дядя’, ‘большой человек’, ‘большой лес’, слово *ыджыт* здесь приобретает значение ‘высокий’. В Коми-пермяцко-русском словаре *ыджыт* – ‘злой лесной дух, леший’ [КПРС: 577]. Данные номинации связаны с представлением о способности лешего быть огромного размера: *Вот адззан, этнö... суседкоэсö шуам – учöt, а вот вöрисьсö шуöны – ся пö ы-ы-ыджыт*. Вот видишь, этих... (про домовых говорим – маленькие, а вот про лесного говорят – он, мол, большо-о-ой (Мижужева Куд.) [ПМ].

В номинации *медыджытыс вöрас* – усиление значения за счет приставки *мед-* ‘самый’, букв. ‘самый большой в лесу’, по мнению Т. Г. Голевой, данная номинация может строиться «на функциональной значимости персонажа» [Голева 2011: 151].

С другой стороны, мифологические существа могут быть аномально маленького (по сравнению с человеком) размера. Данный признак часто становится отличительной чертой МП: *Петёма гѡлбѡчись учѡтик инькаок*. Вышла из голбца маленькая женщина (Мысы Гайн.) [Голева 2011: 168]; *Кѡркѡ ме баняас муні и видзѡта: баня угѡвас пукавѡ старичок, сѡтшиѡм пѡрись и пѡрись, учѡтик...* Однажды я в баню пошел и смотрю: в углу бани сидит старичок, такой старый-престарый, маленький... (Демина Куд.) [Материалы...: 56–57]. В нашей картотеке лишь одно название актуализирует маленький рост персонажа: Н. И. Смирнов, опираясь на сообщение А. Н. Шатрова, приводит лексему *ичетки*, обозначающую враждебных по отношению к человеку духов утонувших младенцев, позднее слившихся в единый образ водяных [Смирнов 1891: 247–248, 274–275]. Слово *ичет*, то же что и *учѡт* – ‘маленький’ [КЭСНЯ: 110]. В «Мифологии коми» лексема *ичетик* подана со ссылкой на коми-зырянские говоры, авторы энциклопедии приводят лексему *культяин* ‘дети, потомство Куля’ в качестве аналогичного образа у коми-пермяков [МК: 166].

В описаниях внешнего облика МП часто маркируется цвет (белый, красный, черный и др.): *Кытшиѡмко, шуѡны тай, этшиѡм учѡлик ачыс, но сякѡ-разнѡя сѡя петѡ: то чочком, то сѡд, коккез чочкомѡсь*. Какой-то, говорят, такой маленький сам, но всяко-разно он выходит: то белый, то черный, ноги белые (Ошиб Куд.) [Материалы...: 66–67]; *Учитик детиночка пукалѡ вѡлыслын, льякасьѡма, гѡрд ѡйрнѡсока*. Маленький человечек сидит на лошади, прилип, в красной рубашке (Пуксиб Кос.) [Голева 2011: 170].

В собранном материале единично встречается *чочком нывка* (букв. ‘белая девушка’), название неупокоенного духа умершей девушки: *И сѡя вот сѡя местаын, пыр сѡя местаись, сѡя шаттяись и чочком нывкасѡ адззѡвѡны. Сывѡн воыс, натѡтѡ, колис сѡтчѡ, и вот чочком нывкаыс, сѡя и мыччасѡ*. И вот в этом месте, всегда в этом месте, в этой молодой рощице, белую девушку видят. Ее душа, наверное, осталась там, и вот белая девушка показывается (Конанова Куд.) [Материалы...: 122–123; 153].

В деревнях Ошибского сельсовета встречается и другое название – *чочком морт* (букв. ‘белый человек’): *«Бѡбѡссѡ, – шуѡ, – ойнас петі, осьті, – не картавань сѡя мыйкѡ оградавань осьтышти, – сѡтѡн, – шуѡ, – чочком морт суавѡ»*. <...> *Ме сѡйѡ кывви, что ветвѡтѡ пѡ чочком мортыс*. «Дверь, – говорит, – ночью вышла, открыла, – не в сторону хлева она что-то в сторону ограды открыла, – там, – говорит, – белый

человек стоит». <...> Я это тоже слыхала, что ходит, мол, белый человек... (Егорова Куд.) [ПМ]. Однако это же словосочетание часто встречается при описании внешнего облика других МП, ср.: *Лупья, ю шерсяс пѡ сѡя петас ыджыт чочком морт пѡ кузь юрсиа, сѡтшиѡм мича, красавича...* Лупья, посреди речки выйдет большой белый человек с длинными волосами, такая красивая... (Сойга Гайн.) [ЛИКЯ: 237]. *Колдуныслѡн вот бессѡыс и эмѡсь помощниккеыс*. <...> *Нѡя вѡрыс сулдаѡсь. Сеня дядѡлѡн...* *Сѡя кытѡнкѡ, виднѡ, сѡтчин лун вылас олѡма, да кыт местаѡсь ытшыкѡлѡмась. Сѡя ѡтѡк местас сѡтчѡ понѡм ытшыкыны, иньыс шедѡма куртнытѡ да кымѡрѡдззис петѡм чечкѡм морт и всѡ*. У колдуна-то вот бесы и есть помощники. <...> Они как лес. У моего дяди Сени {было}... Он где-то, видимо, там, в южной стороне, жил, и в тех местах они косили. Там в одном месте он стал косить, и его жена пошла туда грести. И вышел белый человек ростом до неба, и все (Иванчино Гайн.) [Материалы...: 114–115].

В данном случае актуализируется культурно маркированный цвет – белый, что создает условия как для ассоциации подобного существа со сферой сверхъестественного, так и для закрепления в качестве устойчивого. Однако нет полной уверенности, что сочетание *чочком морт* ‘белый человек’ перешло в сферу языковых единиц, характеризуется спаянностью компонентов, несмотря на выраженную повторяемость.

В ряду номинаций лешего Т. Г. Голева приводит лексему *кизя-виззя* – то же, что и леший, *кизя* ‘на застежке, на пуговицах’; *виззя* ‘полосатый, в полоску’, букв. ‘на застежках в полоску’, имеется в виду «пуговицы, застегнутые в ряд» [Голева 2011: 151]. Подобные же случаи мы видим в славянской традиции. Л. Н. Виноградова пишет: «Значительно реже в демонологическом лексиконе восточных славян отмечается тенденция именования персонажей нечистой силы по особенностям их одежды» [Виноградова 2016: 91]. В качестве примеров она приводит «эвфемистические названия водяных – белая баба, житного духа – баба в красном казане» [там же]. Стоит обратить внимание, что, с одной стороны, Л. Н. Виноградова пишет о «лексиконе», с другой – рассматривает их как «эвфемистические названия», как будто сомневаясь в способности подобных словосочетаний быть полноценными языковыми единицами.

Достаточно часто в славянской традиции акцентируется признак МП «одет не по-нашему»: в том числе имеет блестящие пуговицы [там же: 93]. Подобные элементы текста мифологического рассказа Л. Н. Виноградова именуется «идентифи-

фицирующие клише». В случае с коми-пермяцкой единицей *кизя-виззя* без развернутых контекстов достаточно сложно квалифицировать: является ли это полноценной номинацией или только «идентифицирующим клише».

Большое количество вариантов названий лешего возникло в результате запрета прямого упоминания названия МП. Некоторые из наименований локальны; так, лексема *кӧспель* ‘сухоухий’ зафиксирована в деревнях Кудымкарского района: *Сійӧ кӧспельӧн шуӧны, лешакӧн, одуванчикӧн. А кӧр уджавны не хочешь, токо горӧтван: “Одуванчик, отсав”. Кӧр пилыс оз уджав вӧрас, а эся кӧр вӧгасян, да пивасӧ мыр бердас желльыштан, висътаван: “Кӧспель, сволочь”*. Его сухоухим зовут, лешаком, одуванчиком. А когда работать не хочешь, скажешь: “Одуванчик, помоги”. Когда пила в лесу не работает, когда рассердишься, пилу о пень ударишь, говоришь: “Сухоухий, сволочь”. (Ошиб Юсв.) [Голева 2011: 151]; *Но, мян шуӧны кӧспель. Кӧспельысвӧн пӧ сйя туй местаыс... Баитвисӧ сійӧ, ме пӧрисессянь сійӧ кывви*. Да, у нас говорят «кӧспель». «Сухоухого», мол, это дорога... Говорят так, я от стариков это слышала (Поносова Куд.) [ПМ].

В. В. Климов приводит также название лешего *сюра-пеля* букв. ‘рогатый-ушастый’ [Климов 1990: 173, 356]. Лексема отмечена в составе фразеологизма, зафиксированного в кочевском диалекте *сюра-пеляэскӧт тӧдчӧ* (букв. ‘с рогатым ушастым знается’) – о колдунах [КПФС: 191]. Кроме того, Коми-пермяцко-русский словарь фиксирует номинацию *сюра-бӧжа* ‘с рогами и с хвостом’ в значении ‘черт’ [КПРС: 467], но в современных полевых материалах эти названия нами не отмечены.

Небольшая группа персонажей включает номинации, где актуализируется признак времени появления. *Лунишӧрика/вуншӧрика* – дух полей и лугов, в представлениях коми-пермяков, активизируется во время летнего цветения, вплоть до полной уборки урожая с полей [Голева 2011: 147]. Название персонажа соответствует русскому «полудница», ср. перевод: букв. *лун* – ‘день’, *шӧр* – ‘середина’, *-ика* – адаптированный русский суффикс *-иха*: *Вот тӧткаӧ эшо баитвис, <...> тэ туӧк кузя эн мун, сэтчин вуншӧрика овӧ. Ме стрась пови эта вуншӧрикавись. <...> Сйя только висътаванис <...>, что сйя ветвӧтӧ дзырыт сквордаӧн, и сйя тӧнӧ сӧтӧн жаритас. Вот моя тетя еще говорила, <...> ты по тропинке не ходи, там полудница живет. Я очень боялась этой полудницы. <...> Она только говорила, <...> что она ходит с горячей сквородкой, и она тебя на ней зажарит (Пермь / род. Шатун Куд.) [ПМ].*

Ойшӧрика – номинация по типу *лунишӧрика*, букв. ‘полуночица’ (*ой* – ‘ночь’, *шӧр* – ‘середина’). Данная номинация обозначает детскую болезнь, а также наделяется чертами мифологического персонажа: *А ойшӧрнас пӧ ветлӧтӧ кытшӧмкӧ морт кодъ, пользӧтлӧ народсӧ*. В полночь ходит кто-то похожий на человека, людей пугает (Бобуново Куд.) [Голева 2011: 43]. Номинация соответствует славянскому мифологическому персонажу *ночнице*.

Следующая группа объединяет номинации, где признаком, актуальным для носителя традиции, является «действие» МП. Сюда относятся в основном названия людей со сверхъестественными свойствами (магические специалисты, знахари, народные целители).

Наиболее широко известна среди них лексема *тӧдись* (букв. ‘знающий’), ‘тот, кто обладает даром предвидения; знахарь; колдун’ [КПРС: 483]. *Кыдзкӧ тай деревняс тӧдвыисӧ, что сйя тӧдись пӧ. Сывись туйсӧ оз ков поперегавны, ськӧт оз ков, кытчӧ мунан, пантасъны, старайтчыны не пантасъны да мый да*. Как-то ведь в деревне знали, что он знающий. Ему дорогу не нужно переходить, с ним не надо, куда идешь, встречаться, стараются не встречаться да что (да) (Антонова Куд.) [Материалы...: 104–105].

Самым частотным в этой группе является суффикс *-ись*. Г. В. Федюнева пишет, что «в уральском праязыке категории имени и глагола не были строго разграничены и, следовательно, имели тождественные деривационные элементы», а деривационные средства отглагольного словообразования «восходят к самому древнему – финно-угорскому (уральскому) – языковому периоду и в современном коми-языке идентичны суффиксам причастий (отглагольных прилагательных). <...> способность некоторых формантов участвовать в образовании отглагольных субстантивов и инфинитивно-глагольных форм (причастий, деепричастий, инфинитивов) является типологической чертой финно-угорских языков» [Федюнева 1985: 11, 62]. Коми-зырянскому суффиксу *-ысь* в коми-пермяцком, удмуртском и в ряде коми-зырянских диалектов соответствует форма *-ись*, он используется в образовании причастий и «предикативных имен», является продуктивным и используется в значении «лицо, обозначенное по отношению к названному в основе действию как непосредственно его производящее» [там же: 70, 75].

Аналогично лексеме *тӧдись* образованы и другие названия магических специалистов, например: *тишыкӧтчись/тишыкӧтись* (букв. ‘портящий’): *Поввисӧ, ну, тишыкӧтчиссесвись. А меам женикӧ тишыкӧтчӧмсянь и куис*. Да, боялись,

колдунов. А мой муж от порчи и умер (Поносова Куд.) [ПМ]; *Этö тшыкötиссеыс пö ну... Воктöны, мыйкö корöны. И вот если тэ сетан, значит, здоровьетö... Вот мый ниа добивались, значит, ниа добьются.* Это колдуны, мол, да... Приходят, что-то просят. И вот если ты (что-л.) отдашь, значит, свое здоровье... Вот что они добивались, значит, они добьются (Ваганова / род. Новоселова Куд.) [ПМ].

Кроме того, русские глаголы, обозначающие действия людей со сверхъестественными свойствами, активно заимствуются и участвуют в образовании номинаций по тому же принципу: *бабить – бабитчись* ('повитуха'), *ворожить – ворожитчись* ('ворожея'), *лечить – лечитчись* ('лекарь'), *шептать – шопкись* (букв. 'шепчущий'), *чертить – чертитчись* (букв. 'чертящий') и др. Данная группа может потенциально пополняться.

В группе названий, образованных по признаку «действие», всего несколько лексем, обозначающих собственно МП. Т. Г. Голева среди названий водяного приводит номинацию *сорваись* 'путальщик' и связывает ее с глаголом *сорлавны* 'мешать', по мнению исследователя, название может обозначать «того, кто мутит воду» [Голева 2011: 162].

Возможно, номинация связана с представлениями о том, что водяные создают водовороты: *Вот тай уяс ваас, да вöйö. Сийö кулюккес пö, бытте, кыскöны ваас. <...> [Вабергачез овывлöны ва вылас.] Губля тай шуöны, сэтöн гублян пö, бергаö ваыс, сэтчö пö и кыскö мортсö, баитвыввисö тай.* Вот ведь упадет в воду (т. е. человек), и тонет. Его водяные, мол, будто, тащат в воду. <...> [Водовороты бывают на воде.] «Губля» ведь называют, там яма, мол, крутится вода, туда и тащит, мол, человека, говорили ведь (Поносова Куд.) [ПМ].

Еще одна номинация данной группы зафиксирована в Коми-пермяцко-русском словаре и подана с пометой *фольк.* в значении 'леший' – *висьöв*: *Висьöлыс нылись туйсö гусялöм.* Леший украл у них дорогу [КПРС: 75]. Лексема отмечена также в Коми-пермяцком фразеологическом словаре в составе устойчивого оборота – *Висьöл туй гусялöм.* Букв. Леший дорогу украл. Потеряться в лесу: *Висьöлыс пö быттьö ныliness туйсö гусялöм, öшöмась, öдва вöрсис петöмась* (Чураки Кос.) [КПФС: 43]. (Пер. авт.: Леший, мол, будто у них дорогу украл, заблудились, едва из лесу вышли.) Можно предположить, что название связано с глаголом *висьны* 'болеть' (ср. *юр висьö* 'голова болит') и образовано с помощью суффикса отглагольных существительных *-öв* [КПРС: 602]. Тогда название персонажа можно связать со способностью лешего сбивать с пути,

подшучивать над человеком: *Вöрисьыс пö мянöс ноллötис, и ноллötис, и ноллötис кык сутки и петöмась ния Абрамова деревняö.* Лесной, говорят, нас водил, и водил, и водил двое суток (т. е. по лесу) и вышли они в деревню Абрамова (Пуксиб Кос.) [ПМ].

Если в предыдущих названиях, образованных от глаголов, действия относились к самим МП или людям со сверхъестественными свойствами, то номинация *вежöм* 'подмененный' (о ребенке, подмененном нечистой силой, чаще всего в бане) содержит суффикс, обозначающий 'результат или объект действия' [Федюнева 1985: 67]. Лексема образована при помощи продуктивного в коми языках суффикса *-öм* [там же] и известна в коми-зырянских говорах [СДКЯ: 172]. Кроме мифологического значения, лексема может использоваться в бранных выражениях, ср.: *Кодия пö вот кагаыс оз быдмы не мый не, кытшиöмкö вежöм пö сиа кагаыс, вежисö пö, навернö.* Ребенок, который, говорят, не растет и ничего, он какой-то «подмененный», мол, ребенок, подменили [его], мол, наверное (Данилово Гайн.) [ПМ]; *Слово «вежöмсö» – сiö шуч шуллисö горзиссез, непослушной: «Вежöм тэ». Сиа ругательскöй вöли.* Слово «подмененный» – это всегда говорили о плачущих, непослушных (т. е. детях): «Подмененный ты». Это было ругательство (Коса) [ПМ].

Кроме вышерассмотренных, в отдельную группу номинаций выделены названия непроемные и деэтимологизированные в современном коми-пермяцком языке: *абач* 'домовой' [КПРС: 15], *боболь* 'бука'; дух, которым пугают маленьких детей' [КПРС: 34; Материалы...: 146], *калян* 'бес'; 'черт, всякая нечисть' 'дух, которым пугают детей' [КПРС: 164; Материалы...: 149], *куль* 'черт, сатана, дьявол' [КПРС: 200], *шева* 'существо в виде какого-то маленького животного или насекомого, с помощью которого напускают порчу' [ЛИКЯ: 198]. Часть из них не имеют однозначной и убедительной научной этимологии, такие названия нуждаются в дополнительном исследовании и не будут рассмотрены в рамках данной статьи.

Выводы

Проведенный анализ показал следующее: 1) названия МП в коми-пермяцком языке составляют обширную группу: нами было выявлено почти 300 номинаций; 2) анализируемая лексика неоднородна по своему происхождению; 3) большая группа номинаций является заимствованиями из русского языка, как правило, они употребляется для обозначения тех же МП, что и в языке-источнике; 4) некоторые русские заимствования претерпели изменения семантики и приобрели новые значения в коми-пермяцком языке;

5) значительная часть коми-пермяцких наименований МП являются мотивированными, в основу этих номинаций положены признаки «место обитания, «внешний вид», «время проявления» и «действия»; наиболее продуктивная – группа «место обитания»; 6) небольшая часть наименований являются непроизводными в современном языке и/или имеют «темную» этимологию.

Таким образом, коми-пермяцкая лексика, называющая мифологических персонажей, представляет собой пестрый пласт лексики, отражающий многовековую историю взаимодействия русских и коми-пермяков на данной территории, и включает номинации, образованные на основе разных мотивировочных признаков.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Пермского края в рамках научного проекта 20-412-590005 «Лексическое пространство коми-пермяцкого языка».

Список источников с сокращениями

Климов В. В. Оласё да вёласё (Жили-были): коми-пермяцкие сказки, легенды, предания, сказы, былички и бытовые рассказы, на коми-перм. языке / Коми-Перм. отд. Пермь: Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1990. Т. 1. 366 с.

Климов В. В. Кытчö тійö мунатö? (Куда же вы уходите): Коми-пермяцкий фольклор на коми-пермяцком языке / Коми-Перм. отд. Пермь: Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1991. Т. II. 288 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М., 1985. 624 с.

КПФС – Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / авт.-сост. О. А. Попова. Пермь, 2010. Вып. VII. 344 с.

КЭСКЯ – Лыткин В. И., Гуляев Г. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

ЛИКЯ – Голева Т. Г., Подюков И. А., Пономарева Л. Г., Черных А. В. Лупьинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник. Пермь: ИД Тип. купца Тарасова. 2011. 142 с.

Материалы – Материалы по коми-пермяцкой демонологии / авт.-сост.: А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток, А. С. Лобанова, С. Ю. Королёва, И. И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2020. 168 с.

МК – Мифология коми: Энциклопедия Уральской мифологии / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов,

И. В. Ильина и др.; науч. ред. В. В. Напольских. М.: Изд-во ДИК, 1999. 480 с.

ПМ – Полевые материалы, хранящиеся в лаборатории региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков; стер. изд. Пермь: Изд. дом «Типография купца Тарасова», 2008. 224 с.

СДКЯ – Словарь диалектов коми языка: в 2 т. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2012. Т. I: А–О. 1096 с. Т. II: Ö–Я. 888 с.

СПГ – Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с.; 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.

Список литературы

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.

Виноградова Л. Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М: Индрик, 2016. 385 с.

Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Математик, 2011. 272 с.

Гусев Д. И. Пономосовский колхоз «Правда». Опыт монографического описания. Кудымкар: Коми-Перм. гос. изд-во, 1952. 160 с.

Королева С. Ю., Шкураток Ю. А. Чудь и чуды: к проблеме соотношения персонажей и их номинаций в коми-пермяцком фольклоре // Демонология как семиотическая система: материалы V междунар. науч. конф. / сост. и ред. О. Б. Христофорова, Д. И. Антонов. М.: Изд-во РГГУ, 2018. С. 78–84.

Кривошекова-Гантман А. С. К проблеме пермской чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ин-та, 1974. Вып. 1. С. 132–142.

Лобанова А. С. Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. Пермь: ОТ и ДО, 2008. 188 с.

Лобанова А. С. О традиционной речевой культуре коми-пермяков, связанной с мифологическими персонажами (на примере употребления вокативов) // Этнокультурное наследие пермских финнов / науч. ред. С. М. Аристова. Кудымкар, 2013. С. 66–70.

Подюков И. А. Коми-пермяцкая мифологическая лексика и фразеология как объект лексикографического описания // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 107–121.

Пономарева Л. Г. Речь северных коми-пермяков. М.: Языки народов мира, 2016. 514 с.

Смирнов И. Н. Пермьяки: историко-этнографический очерк // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском ун-те. Казань: Типогр. Императорского ун-та, 1891. Т. IX, вып. 2. 289 с.

Федюнева Г. В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. М.: Наука, 1985. 136 с.

Чагин Г. Н. В. П. Налимов и этнография инвенских коми-пермяков // Очерки по этнографии финно-угорских народов / ред.-сост. А. Е. Загребин, В. Э. Шарапов. Ижевск: Сыктывкар: Изд-во Удмурт. ин-та истории, языка и литературы УрО РАН, 2010. С. 147–167.

References

Batalova R. M. *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak Dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 252 p. (In Russ.)

Vinogradova L. N. *Mifologicheskii aspekt slavyanskoj fol'klornoj traditsii* [The Mythological Aspect of the Slavic Folklore Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 2016. 385 p. (In Russ.)

Goleva T. G. *Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov* [Mythological Characters in the Komi-Permyaks' Worldview System]. St. Petersburg, Mamatov Publ., 2011. 272 p. (In Russ.)

Gusev D. I. *Ponosovskiy kolkhoz 'Pravda'. Opyt monograficheskogo opisaniya* [The Collective Farm 'Pravda', Ponosova Village. An experience of monographic description]. Kudymkar, Komi-Permyak State Publ., 1952. 160 p. (In Russ.)

Koroleva S. Yu., Shkuratok Yu. A. *Chud' i chudy: k probleme sootnosheniya personazhey i ikh nominatsiy v komi-permyatskom fol'klоре* [Chud and Chudy: On the characters and their names in the Komi-Permyak folklore]. *Demonologiya kak semioticheskaya sistema: Materialy V mezhdunar. nauch. konf.* [Demonology as a Semiotic System. Proc. of the 5th intern. sci. conf.]. Moscow, RSUH Press, 2018, pp. 78–84. (In Russ.)

Krivoshchekova-Gantman A. S. *K probleme permskoy chudi* [On the issue of the Permyak Chudes]. *Voprosy lingvisticheskogo kravevedeniya Prikam'ya*. Vypusk 1 [Issues of Linguistic Local History of the Kama region. Issue 1]. Perm, Perm

State Pedagogical University Press, 1974, pp. 132–142. (In Russ.)

Lobanova A. S. *Komi-permyatskiy etnolingvisticheskiy sbornik. Materialy i issledovaniya* [Komi-Permyak ethnolinguistic collection. Materials and research]. Perm, OT i DO Publ., 2008. 188 p. (In Russ.)

Lobanova A. S. *O traditsionnoy rechevoy kul'ture komi-permyakov, svyazannoy s mifologicheskimi personazhami (na primere upotrebleniya vokativov)* [On the traditional speech culture of the Komi-Permyaks associated with mythological characters (a case study of the use of vocatives)]. *Etnokul'turnoye naslediyе permsskikh finnov* [Ethnocultural Heritage of the Permian Finns]. Ed. by S. M. Aristov. Kudymkar, 2013, pp. 66–70. (In Russ.)

Podyukov I. A. *Komi-permyatskaya mifologicheskaya leksika i frazeologiya kak ob'ekt leksikograficheskogo opisaniya* [The Komi-Permyak mythological lexis and phraseology as an object of lexicographic description]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography], 2018, issue 14, pp. 107–121. (In Russ.)

Ponomareva L. G. *Rech' severnykh komi-permyakov*. [The Speech of the Northern Komi-Permyaks]. Moscow, Yazyki Narodov Mira Publ., 2016. 514 p. (In Russ., Komi-Perm.)

Smirnov I. N. *Permyaki: istoriko-etnograficheskii ocherk* [The Permyaks: historical and ethnographic essay]. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom un-te* [Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University]. Kazan, Imperial University Press, 1891, vol. 9, issue 2. 289 p. (In Russ.)

Fedyuneva G. V. *Slovoobrazovatel'nyye suffiksy sushchestvitel'nykh v komi yazyke* [Word-building Suffixes of Nouns in the Komi Language]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 136 p. (In Russ.)

Chagin G. N. V. P. *Nalimov i etnografiya in'venskikh komi-permyakov* [Nalimov and the ethnography of the Inva Komi-Permyaks]. *Ocherki po etnografii finno-ugorskikh narodov* [Essays on the Ethnography of the Finno-Ugric Peoples]. Izhensk, Syktyvkar, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the RAS Press, 2010, pp. 147–167. (In Russ.)

ON THE CLASSIFICATION OF NAMES OF MYTHOLOGICAL CHARACTERS IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE

Iuliia A. Shkuratok

Assistant Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. shkuratok@mail.ru

SPIN-code: 4745-5799

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2786-8734>

ResearcherID: T-6270-2018

Anastasiia V. Krotova-Garina

Engineer in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. anastasia.garina@ya.ru

SPIN-code: 2722-0553

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4538-5402>

Submitted 29.12.2020

The article deals with the names of mythological creatures in the Komi-Permyak language. We identified and analyzed almost 300 names of mythological beings gathered from various sources such as field notes, archival materials, articles, and publications. The vocabulary analyzed in the article is not homogeneous. We divided it into groups in accordance with the source language; words formed in the Komi-Permyak language were further classified into subgroups according to the motivation. Substantial part of the lexis comes from the Russian language. These borrowed words are used to denominate creatures that have analogues in Russian folklore (*домовйй, банной бес, водяной, дошлой, лешой, нечистой, колдун/ковдун, колдуння/ковдуння, суседко/суседку*). In some cases, semantic changes are observed, new meanings are acquired. The second group of the lexis is comprised of the names of Komi-Permyak origin with the following meanings: “place of habitat” (*ва олісь* ‘dweller of the water’, *джоджулісь* ‘dweller of the underground’, *баня чуд* ‘banya spirit’, *кузнеча чуд* ‘spirit of a smithy’, *ошымос чуд* ‘spirit living in a well’, *вөрись* ‘spirit of the forest’, *вөрись дядь / вөрдядь* ‘forest uncle’); “appearance” (*кузь дядя* ‘tall uncle’, *ыджыт дядя* ‘big tall uncle’, *ыджыт морт* ‘big tall man’, *чочком морт* ‘white man’, *көспель* ‘having dry ears’), “time of appearing before others” (*лунишорика/вуншорика* ‘midday spirit of fields and meadows’, *лун/вун* ‘day’, *шөр* ‘mid’); “action” (*ворожитчись* ‘diviner’, *лечитчись* ‘healer’, ‘witch doctor’, *шопкись* ‘whispering’, *төдісь* ‘knowing’, *тишкөтчись/тишкөтись* ‘spoiling’). The third group of words includes non-derivatives or/and names with ‘obscure’ etymology (*абач* ‘domestic goblin’, *боболь* ‘spirit for frightening the children’, *калян* ‘demon’, *куль* ‘devil, evil spirit’). The presence of this group is largely due to the de-etymologization process in the modern language. These being the key points, we observe heterogeneity of the names of Komi-Permyak mythological beings, reflecting the history of interactions between Russian and Komi-Permyak people.

Key words: Komi-Permyak language; Perm Krai; mythological vocabulary; mythological character; demonology.